

Учитель эфиопского. Памяти Севира Борисовича Чернецова

Некролог писать всегда тяжело, в особенности если он посвящен Учителю, тем более — последнему из тех, кто, обучая тебя востоковедным премудростям, ненавязчиво, без лишней дидактики способствовал формированию твоего мировоззрения.

3 февраля 2005 г. неожиданно скончался Сефир Борисович Чернецов. Более года он мужественно боролся с изнурительной болезнью и, казалось, сможет выстоять и на сей раз. Ведь излечили его в юности от туберкулеза, а в марте 2000 г. спасли от другой страшной болезни, оставлявшей мало надежды на жизнь, не говоря уже о возвращении к научной работе. Тогда все обошлось, но трижды обмануть смерть не сумел и он...

Мне посчастливилось познакомиться с Сефиром Борисовичем четырнадцать с половиной лет назад — в начале осени 1990 г., вскоре после того, как его утвердили одним из оппонентов моей кандидатской диссертации. Он сразу сказал, что в целом работа ему понравилась, поделился рядом соображений, не оставлявших сомнений в том, что он взял на себя труд внимательно с ней ознакомиться, но делать замечания принципиально отказался, поскольку не считал себя специалистом в той узкой области, которой

диссертация была посвящена — раннесредневековой истории одного из регионов Йемена. Подобная добросовестность была отличительной чертой Чернецова-ученого. Несколько позже, когда под его руководством я погрузился в эфиопистические штудии, Севир Борисович начал настойчиво направлять меня на изучение аксумского и доаксумского периодов в истории Эфиопии, от чего сам упорно воздерживался на протяжении десятилетий, ограничиваясь в лучшем случае краткими замечаниями¹. На мой недоуменный вопрос, почему он, будучи крупнейшим знатоком эфиопского средневековья, не стремится дойти до истоков местной цивилизации, С.Б. Чернецов отвечал, что работа с многочисленными надписями — основным источником, который оставили после себя сабейские колонии на Африканском Роге и Аксумское царство, — требует квалификации эпиграфиста и знаний сабеиста, он же в своих трудах использует по преимуществу нарративные источники на геэзе — классическом эфиопском и не видит смысла в дилетантских рейдах за границы своей специализации.

Такой подход ничего общего не имел с односторонностью. Насколько многогранны были его, на первый взгляд, узкие знания мне довелось убедиться на занятиях геэзом, которые он стал проводить для студентов-амхаристов восточного факультета СПбГУ с 1991 г. Воспользовавшись любезным приглашением Севира Борисовича, курс этот стали посещать, разумеется, на совершенно безвозмездной основе, все те, кто считал для себя необходимым изучить эфиопский язык. Они составили добрую половину группы, ее наиболее активную часть, старавшуюся увлечь за собой остальных. Широтой интересов и редкой в наши дни преданностью науке среди них выделялись Леонид Коган, ставший впоследствии в стенах РГГУ (увы, не востфака!) ведущим отечественным семитологом, и Вадим Лурье (тогда — чтец Василий, а ныне — иеромонах Григорий), снискавший заслуженную известность как на духовном поприще в лоне Автономной Православной церкви, так и в миру — на благородной ниве возрождения традиций изучения христианского Востока в России. Севир Чернецов объединил вокруг себя столь разных людей, конечно, не только превосходным знанием геэзских текстов и умением их использовать при рассмотрении сложных проблем этнической и политической истории, но и своими личностными качествами: открытостью для общения, остроумием, щедростью души... Комментированное чтение памятников эфиопской письменной традиции на геэзе сопровождалось интереснейшими экскурсами в вопросы монастырской и церковной жизни, военного дела, быта царского двора и крестьян средневековой Эфиопии. Иногда они превращались в небольшие импровизированные лекции, за каждой из которых стояли незаурядная эрудиция и редкий педагогический талант. Не буду преувеличивать, нам не случалось разбирать по несколько строк за занятие, как это, по словам Севира Борисовича, нередко происходило на семинаре в Майнце у его коллеги и друга, профессора Манфреда Кроппа, но в общем историко-филологический анализ образ-

---

¹ См., например: *Чернецов С.Б.* Эфиопская феодальная монархия в XIII–XVI вв. М., 1982. С. 6–7.

цов геэзской словесности продвигался неспешно и был куда полезнее иных лекционных курсов, насыщенных общими выводами и вырванными из источников фактами, которые зачастую не воспринимаются студентами.

Занятия геэзом с кафедры африканистики вскоре переместились в сектор Африки Кунсткамеры, и завершавшие их беседы за чашкой крепкого кофе постепенно познакомили нас с некоторыми вехами научной и личной биографии нашего Учителя.

Семир Борисович Чернецов родился 15 декабря 1943 г. в г. Костроме, где его матушка оказалась в эвакуации, и гордился своим происхождением из этого старинного русского города. Он вообще любил небольшие города провинциальной России, тот же Мышкин, куда в 90-е годы навещался несколько раз и гостил у местного священника со своей супругой Миленой Всеволодовной Рождественской, дочерью известного поэта, ставшей за годы работы под руководством Д.С. Лихачева признанным специалистом по древнерусской литературе.

Отец Семира, Борис Дмитриевич Чернецов, призванный в Красную Армию незадолго до войны, служил офицером и, по рассказам сына, чуть не попал под репрессии, когда его часть после присоединения Западной Белоруссии квартировалась в имении одного из польских магнатов. Б.Д. Чернецов, любивший собак и умевший с ними ладить, взял тогда «под опеку» брошенную без присмотра парню магната, чем привлек внимание особиста, заподозрившего в нем отпрыска сей благородной фамилии, скрывшего свое панское происхождение: ведь собаки его не трогали! И хоть не был Семир Борисович ни Гедиминовичем, ни Рюриковичем, его отличал тот подлинный аристократизм, что, как правило, закладывается в семье и проявляется прежде всего в отношениях с другими людьми. После войны Борис Дмитриевич продолжал служить, но вскоре был комиссован из-за туберкулеза и оказался военпредом на одном из крупных оборонных заводов Ленинграда. Склонность директора этого предприятия к очковитирательству и припискам, с которой военпред был не в силах совладать, могла по тем временам обернуться суровым приговором, причем вполне обоснованным. Пришлось с престижного и хорошо оплачиваемого поста перейти на должность простого инженера на другом заводе.

Одаренный юноша, Семир еще в старших классах школы понял, что не обладает ярко выраженными способностями к точным наукам, а быть «среднячком» ему не хотелось. Потому он выбрал не очень популярный в 60-е годы путь в гуманитарное знание, на котором достиг выдающихся успехов. В 1967 г. заведующий кафедрой африканистики восточного факультета ЛГУ, член-корреспондент АН СССР Дмитрий Алексеевич Ольдерогге взял способного выпускника амхарского отделения референтом к себе в Кунсткамеру (в те годы — Ленинградскую часть Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР), где по совместительству руководил сектором Африки. Тогда каждому члену Академии по штату полагался такой помощник. Став секретарем Шефа (так по сей день именуют основателя ленинградской школы африканистики знавшие его люди), Семир Борисович все свободное от непосредственных служебных

обязанностей время посвятил нелегкой задаче возрождения в нашем Отечестве классической эфиопистики, чье многообещающее развитие прервалось со смертью академика Б.А. Тураева в послереволюционном Петрограде в 1920 г. «от отвращения к окружавшей его действительности»¹. Надо ли говорить, что в этом своем начинании он встретил полную поддержку со стороны Шефа, который в 1955 г. издал «Введение в эфиопскую филологию» покойного академика И.Ю. Крачковского, расставшегося с эфиопистикой ради арабистики, но продолжавшего интересоваться ею до конца своих дней.

Для кандидатской Сефир Борисович выбрал одну из тураевских тем, к тому же находящуюся на стыке эфиопской филологии и этнографии. «*Эфиопские магические свитки (опыт филолого-этнографического исследования)*»² — так называлась его диссертация, подготовленная под руководством Д.А. Ольдерогге и успешно защищенная в мае 1974 г. в стенах Кунсткамеры³. 31 год принято считать несколько поздним возрастом для кандидатской защиты, однако сам Сефир Борисович всегда был твердо убежден, что за три года аспирантуры полноценную исследовательскую работу подготовить невозможно. Мнение членов Ученого совета, не сомневавшихся, что перед ними — сложившийся ученый, превосходно отразил в непревзойденном по лаконичности выступлении официальный оппонент Ю.В. Кнорозов, снискавший к тому времени своей дешифровкой письменности майя международную известность: «Работа соответствует, соискатель заслуживает».

Два жанра средневековой эфиопской словесности — царские хроники (шире — произведения местной историографии вообще) и жития святых — особенно интересовали С.Б. Чернецова не только потому, что им уделял значительное внимание Б.А. Тураев, но, в первую очередь, как основа для воссоздания хода эфиопской истории и понимания сути процессов, происходивших в средние века на Африканском Роге. Однако в советское время на изучение и публикацию агиографических памятников был наложен довольно жесткий запрет. И хотя Севиру Борисовичу удалось однажды его обойти, передав свой перевод жития эфиопского святого XIII в. в одно из церковных периодических изданий, где он вышел без указания имени переводчика⁴, систематическое исследование геэзской агиографии было в те годы невозможным. С тем большим усердием взялся С.Б. Чернецов за продолжение другого полезного начинания Б.А. Тураева, задумавшего познакомить отечественного читателя с произве-

---

¹ Замечу, что, по словам С.Б. Чернецова, от этого же в конечном счете скончался в постперестроечном Петербурге в 1995 г. его старший коллега, арабист В.В. Матвеев, которого он сменил на посту заведующего отделом Африки. Вообще Сефир Борисович любил проводить параллели между двумя этими переломными эпохами в истории нашей Родины.

² Ср.: Тураев Б.А. Абиссинские магические свитки // Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой (1885–1915). М., 1916. С. 176–201. Ссылка на эту работу в самом начале автореферата С.Б. Чернецова (С. 3) наглядно показывает, сколь важно для него было подчеркнуть преемственность в эфиопистических исследованиях.

³ С.Б. Чернецов был утвержден ВАКом в ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 «этнография» 28 января 1975 г.

⁴ Житие Яфкерана Эгзиэ // Богословские труды. Сб. 10. М., 1972. С. 225–251.

дениями эфиопской историографии и успешного перевести с геэза те из них, которые были созданы в течение двух столетий с момента зарождения этого жанра¹. За полтора десятилетия Севиру Чернецову удалось подготовить и издать три тома переведенных и подробно откомментированных эфиопских хроник, доведя данный проект до конца XVIII вв.² Параллельно с этим из-под его пера вышли две монографии, посвященные истории Эфиопии под властью Соломоновой династии в XIII–XVII вв.³ Подобная научная продуктивность не может не восхищать, особенно если принять во внимание, что обе работы представляют собой не наукообразный пересказ содержания хроник, а оригинальные исследования, в которых высочайший теоретический уровень постановки и анализа общеисторических проблем в местном преломлении умело сочетается с обстоятельным и увлекательным изложением событийной канвы. Вполне заслуженно за первую из них он был удостоен ученой степени доктора исторических наук⁴. На мой взгляд, эти монографии наряду, скажем, с трудами А.Я. Гуревича можно отнести к лучшим достижениям советской медиевистики, в которых марксистский метод не декларировался, а творчески применялся. Каждый раз перечитывая их, открываешь что-то новое, какой-нибудь нюанс, благодаря которому знакомый, казалось бы, материал предстает в неожиданном ракурсе.

Сильной стороной Чернецова-историка была независимость мышления. Приведу наиболее запомнившийся мне пример, касающийся неудачной попытки царя Сисинния (1607–1632) обратить Эфиопию в католичество. Вопреки мнениям большинства западных и эфиопских ученых, склонных описывать политику и цели Сисинния как проявления «модернизации» и «вестернизации», С.Б. Чернецов усматривал в действиях этого царя попытку найти опору сильной самодержавной власти в догматическом единомыслии португальских иезуитов и их железной дисциплине⁵.

Одной из вершин творчества Севира Чернецова на стыке социально-политической истории и этнографии стали его статьи о происхождении амхара⁶, первая из которых, по его собственному признанию,

¹ Тураев Б.А. Абиссинские хроники XIV–XVI вв. / Пер. с эфиоп. под ред. И.Ю. Крачковского. М., 1936 (Труды Института востоковедения АН СССР, XVIII).

² Эфиопские хроники XVI–XVII веков / Вступл. и закл., пер. с эфиоп. и коммент. С.Б. Чернецова. М., 1984; Эфиопские хроники XVII–XVIII веков / Введ. и закл., пер. с эфиоп. и коммент. С.Б. Чернецова. М., 1989; Эфиопские хроники XVIII века / Введ., пер. с эфиоп., коммент. и закл. С.Б. Чернецова. М., 1991.

³ Чернецов С.Б. Эфиопская феодальная монархия в XIII–XVI вв. (см. выше с. 424 примеч. 1); *Он же*. Эфиопская феодальная монархия в XVII веке. М., 1990.

⁴ Защита по специальности 07.00.03 «всеобщая история» состоялась на восточном факультете ЛГУ в январе 1984 г., а уже 11 мая ВАК утвердил ее результаты.

⁵ Чернецов С.Б. Эфиопская феодальная монархия в XVII веке. С. 174–179.

⁶ Чернецов С.Б. Кто такие амхара? Опыт исторического обзора термина и его содержания // Этническая история Африки. М., 1977. С. 18–45 (есть краткий вариант на англ. яз.: Chernetsov S. On the Origins of the Amhara // St. Petersburg Journal of African Studies, 1, 1993. P. 97–103); *Id.* On the Problem of the Ethnogenesis of the Amhara // Der Sudan in Vergangenheit und Gegenwart (Sudan Past and Present) / Hrsg. von R. Gundlach, M. Kropp, A. Leibundgut. S.l.: Peter Lang. Europäischer Verlag der Wissenschaft, 1995. S. 17–35 (Sonderdruck).

появилась как побочный продукт изучения царских хроник¹. Последовавший за падением Менгисту Хайле Марьяма расцвет этноцентризма неожиданно превратил эту проблему из академической в политически актуальную, что заставило Севира Борисовича вновь обратиться к ней. Надписывая 19 марта 1999 г. отдельный оттиск своей статьи, вышедшей в 1995 г., он многозначительно отметил, что дарит мне его «на память о том, что средневековая история в наших регионах не кончается». Основной вывод, к которому пришел автор, состоял в невозможности однозначно ответить на вопрос, этнос ли амхара, суперэтнос или господствующее сословие Эфиопской империи. «*Human beings are no animals, or, they are, may be, social animals, and any ethnic problem is no less social than ethnic*»², — заключал он со свойственным ему сарказмом.

Наверное, некролог не самое подходящее место для анекдотов, однако покойный любил пошутить, ценил юмор и, думаю, не осудил бы меня за то, что я приведу одну услышанную от него историю. Однажды его американский коллега, профессор Дональд Левин (Donald N. Levine), которого Сефир Борисович полушутя, полувсерьез называл «цэрэушником», прислал ему письмо с опечаткой в фамилии адресата: Chernetson. В ответном послании С.Б. Чернецов допустил аналогичную оплошность, заменив *v* на *n*. Шутки шутками, но, как знать, не повлиял ли он роковым образом на подсознание профессора Левина, который на XV международном конгрессе эфиопистов, проходившем в Гамбурге в 20-х числа июля 2003 г., предложил к изумлению своих коллег, для обозначения национальной политики нынешнего, постмарксистского, руководства Эфиопии маловразумительный термин «этноленинизм».

С удовольствием погружаясь в теоретические проблемы³, Сефир Чернецов не чурался рутинной, черновой работы и немало времени и сил уделял эфиопским коллекциям Кунсткамеры, особенно после преобразования этого учреждения из института в музей. Он описал хранящееся там собрание эфиопской живописи⁴ и в конце 90-х гг. сделал на эту тему блестящий доклад на Ученом совете МАЭ РАН, иллюстрируя его подлинными картинами и рисунками. Одну из таких картин (инв. № 2594–21), на которой неизвестный художник в июле 1912 г. изобразил путешествие Александра Великого в Небесный Иерусалим, он склонен был считать отражением не обнаруженного пока в местной письменной традиции эпизода романа об Александре и не скрывал радости, когда подтверждение его гипотезе удалось найти в амхарском хронографе № В–36 из Национальной библиотеки в Аддис-Абебе⁵.

¹ Chernetsov S. On the Problem of the Ethnogenesis of the Amhara... P. 17.

² Op. cit. P. 33.

³ Его итоговая работа по эфиопскому средневековью «Племя и государство на Африканском Роге» была завершена несколько лет назад и ждет издателя. Сефир Борисович мечтал увидеть ее и в английском переводе.

⁴ Chernetsov S.B. Ethiopian Traditional Painting: On the Materials in the Collections of Peter the Great Museum (Kunstkamera) // St. Petersburg Journal of African Studies, 6, 1997. P. 128–155.

⁵ Chernetsov S.B. The aerial Flight of Alexander the Great in Ethiopian painting and literature // Oriens Christianus. Hefte für die Kunde des christlichen Oriens, Bd 83, 1999. S. 177–186.

Убежденный атеист, Севир Борисович Чернецов на предложения принять крещение неизменно отвечал, что желает умереть в той вере, в какой был воспитан. Это не мешало ему с уважением относиться к верующим и участвовать в научных проектах и мероприятиях, организуемых Русской Православной церковью, впрочем, на корню отменяя возможность существования особой «православной науки» (как и «мусульманской», «иудейской» и т.п.). Он убедил меня взяться за подготовку статей для «Православной энциклопедии» по арабо-христианской и отчасти эфиопистической тематике. В декабре 1999 г. в спешном порядке мной был составлен, а Севиром Борисовичем одобрен список предложений, реализация которого продолжается по сей день. Некоторые статьи, например, про Аксумский собор Богоматери Сионской¹, мы написали в соавторстве: последняя из них, о языке геэз, была закончена недели за две до кончины Учителя. Но, конечно, подавляющее большинство статей по эфиопистике, число которых приближается к сотне, принадлежит ему, и заменить его в этой области востоковедного знания не может сегодня никто.

Подлинный патриот, Севир Чернецов тяжело переживал свалившиеся на Россию беды и, не желая мириться с угасанием отечественной науки, делал все, что мог, для ее сохранения. Болезненно переживал он невозвращение из Германии своего любимого ученика — Дениса Носницына, хотя и понимал, что лучшего помощника гамбургскому профессору Зигберту Улиху в подготовке крупнейшего эфиопистического проекта последних десятилетий — *Encyclopaedia aethiopica* — трудно пожелать. Незадолго до смерти С.Б. Чернецов с легкой иронией констатировал, что выполняет в ЕАЕ роль «пожарной команды», переделывая по поручению редакции неудачные статьи других авторов или разрабатывая такие сюжеты, за которые никто не рискнул взяться. 28 января 2005 г. во время нашей последней встречи он с гордостью показал мне на своем компьютере только что законченную статью «Genealogy» для 2-го тома «Эфиопской энциклопедии». Сколько времени понадобилось на ее написание? Несколько дней и вся жизнь...

Любимым детищем Севира Борисовича стал возрожденный в 1999 г. «Христианский Восток», активнейшим членом редколлегии которого он оставался до самой кончины. Наши телефонные разговоры, как правило, начинались и заканчивались обсуждением насущных вопросов подготовки и издания очередных томов этого журнала. С.Б. Чернецов с самого начала высоко поднял научную планку для публикуемых материалов, настаивая на том, чтобы это были либо оригинальные исследования, либо не изданные прежде тексты на восточных языках. Предоставлять страницы журнала для русских переводов уже опубликованных памятников, на чем настаивали некоторые его коллеги, он считал в принципе неприемлемым. По его инициативе год назад был собран 5-й, целиком арабистический, том «Христианского Востока», посвященный 120-летию со дня рождения академика И.Ю. Крачковского (1883–1951), и хотя бы из уважения к трудам Севира Борисовича мы обязаны сделать все, чтобы он вышел в свет.

¹ Православная энциклопедия / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. I: А-Алексий Студит. М., 2000. С. 414–415.

Искреннее преклонение перед научными заслугами предшественников и коллег было характерно для С.Б. Чернецова. Желая почтить память своего учителя Д.А. Ольдерогге (1903–1987) и старших товарищей Л.Е. Куббеля (1929–1988) и Г.М. Бауэра (1925–1989), он посвятил им три из пяти своих прижизненных книг: «Эфиопские хроники XVII–XVIII веков», «Эфиопская феодальная монархия в XVII веке» и «Эфиопские хроники XVIII века».

Печально, что Севир Чернецов, всю жизнь посвятивший изучению Эфиопии, лишь дважды побывал в этой стране, причем обе его командировки, связанные с участием в VIII и XI международных конгрессах эфиопистов, которые проходили в Аддис-Абебе в ноябре 1984 г. и апреле 1991 г., были весьма непродолжительными. Правда, как многие востоковеды его поколения, он успел посетить в 90-е гг. основные ориенталистические центры Европы, прежде всего, Майнц, где не раз был желанным гостем Манфреда Кроппа и «приглашенным профессором» на его эфиопистическом семинаре.

Большие надежды С.Б. Чернецов связывал с подготовкой «Истории эфиопской письменности». По его замыслу, она должна была стать не имеющим аналогов пособием по классической эфиопистике. К работе над ней он привлек знатока эфиопских рукописей Вячеслава Михайловича Платонова, а мне поручил написать разделы по доаксумскому и аксумскому периодам. Ее обсуждение он планировал провести в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения с участием ведущих специалистов-рукописников. К сожалению, над этой книгой словно бы тяготел некий рок: неотложные дела постоянно отвлекали нас от ее завершения. Во время нашей последней встречи была достигнута договоренность представить ее на суд коллег не позже осени 2005 г.: ведь не менее, чем на 95% она была сделана... Теперь заканчивать ее предстоит мне с В.М. Платоновым. И мы должны сделать все, чтобы «История эфиопской письменности» стала настольной книгой для будущих поколений эфиопистов. Лучшего памятника Севиру Борисовичу Чернецову не придумать.

*С.-Петербург, 17 марта 2005 г.
Сергей Французов*